

СНОБИЗМ И СОЛИДАРНОСТЬ: К ПРОБЛЕМЕ ЭТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В МОДЕРНЕ*

Неменко Е. П.

г. Екатеринбург, УрФУ

SNOBISM AND SOLIDARITY: ON THE ETHICAL BASES OF THE SOCIAL INEQUALITY IN MODERNITY

Nemenko E. P.

Yekaterinburg, Ural federal university

Аннотация. Рассматривается кардинальный сдвиг в моральной ситуации современных обществ в сторону перформативного и эстетического измерения социальной оценки в условиях отсутствия внешних групповых норм. Снобизм и солидарность как модели поведения представляют интересное поле исследования, поскольку не предполагают внешнего принуждения к действию, а производятся активно самим субъектом. Предмет анализа – вопрос о наличии (или отсутствии) этической составляющей снобизма и солидарности в ситуации «эстетизации» социальных отношений.

Ключевые слова: снобизм, солидарность, эстетизация, критическая теория, социальная роль.

Abstract. In the center of the paper is the radical shift of the moral situation in modern societies towards the aesthetic and performative dimension under conditions of absence of external normative criteria. Snobbism and solidarity seem to represent interesting field of research because as forms of behavior they require active autonomous subject. The main question of the research is ethical component of the snobbism and solidarity in the situation of “aesthetisization” of social relations.

Keywords: snobbism, solidarity, aesthetisization, critical theory, social role.

После знаменитой речи Макса Вебера «Наука как призвание и профессия» стало общим местом говорить о современных обществах как «расколдованных» и рационализированных. Критическая теория связывает проблему отчуждения и атомизации современного городского жителя, рационального автономного субъекта с процессом «расколдовывания мира». Однако социальные исследования

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-8742.2016.6

показывают, что все сферы секуляризованных социальных практик пронизаны явлениями, которые, с одной стороны, очень распространены в повседневном опыте, а с другой стороны, с трудом поддаются рационализации и плохо артикулируются в публичном дискурсе. Такие факты нашей повседневной социальной жизни, как престиж, харизма, обаяние индивидов, объектов, групп и стилей жизни, которые питают наше воображение и заставляют подчиниться себе без внешнего принуждения, вызывают эмоциональную реакцию, которая балансирует в спектре между религиозной верой и эротическим влечением. Эта реакция, которая может быть концептуализирована в понятии «снобизм», обычно вызывает затруднение и смущение по двум причинам. Во-первых, «имманентный фрейм» (Ч. Тейлор) современных обществ имплицитно предполагает, что большинство взрослых автономных субъектов не перестало верить в явления, имеющие сверхъестественное, почти магическое происхождение; во-вторых, такая реакция означает признание превосходства этих объектов, индивидов или групп и сигнализирует о принятии факта фундаментального социального неравенства, что является табу для публичного дискурса демократических обществ.

Несмотря на молчание вокруг престижа и харизмы, множество рутинных коммуникативных практик функционируют благодаря этому повсеместно распространенному, но плохо артикулируемому механизму принятия «дополнительной» власти индивида, группы, института [См.: 6], которая превосходит формальные границы их социальной роли и делает ситуации социального взаимодействия более гладкими, налаженными, согласованными. Эта «надбавка» к социальной роли, непроясненный избыток, который побуждает подчиняться без принуждения, пробуждает желание, лежит в основании хорошего исполнения любой социальной роли и составляет то, что можно было бы назвать декорумом социальных взаимодействий. Именно этот избыток является объектом инвестиции желания и обеспечивает в обществах модерна преодоление разрыва между субъектом и социальной ролью.

Такую добровольную приверженность субъекта какой-то группе, образу жизни или индивиду не следует путать с солидарностью, которая, в отличие от снобизма, является легитимным проявлением социальных «чувств» в демократических обществах. Солидарность предполагает признание общности, единства с другими людьми, вопреки существующим социальным и

экономическим делениям. Не ограничиваясь простой лояльностью, она требует активного поведения. Однако платой за солидарность являются обязательства перед коллективом, ответственность за целостность системы и признание того, что «есть действия, которые согласуются с целостностью системы, а есть действия, которые ей угрожают, а потому подвергаются санкциям коллектива» [4, с. 7]. Хоть Э. Дюркгейм и пытается индивидуализировать понятие солидарности, объясняя ее как свободное принятие индивидом коллективных ценностей, «свободная» приверженность общему благу нуждается в «искусственном» поддержании с помощью внешних моральных опор. Идеи братства и социальной справедливости оперируют кантовским понятием долга, в то время как область престижа говорит на языке желания.

Интерес к теме снобизма и солидарности становится более понятным, если исходить из проблематичности соотношения индивида и его социальных ролей в модерне. Как отмечает Г. Зиммель [См.: 3], подлинной проблемой социальной интеграции в современном обществе является преодоление отчуждения между индивидом и его ролями. Индивид не может исполнять социальные роли пассивно, от него требуется активная вовлеченность в свою игру. Индивид не может просто исполнять роль музыканта, родителя, менеджера. Он должен быть музыкантом, быть родителем и т.д. (разные социальные роли предполагают разную степень вовлеченности). Идентичность больше не предписывается нормативно индивиду извне – через принадлежность к сообществу или соответствующим социальным ролям. Социальное содержание Я современного субъекта должно формироваться, будучи опосредовано его свободной волей. Американский социолог И. Гоффман хорошо описал такие «плоские» интерактивные ритуалы, цель которых – поддержание самой игры [См.: 1]. Повседневные взаимодействия лицом к лицу состоят из рутинных практик представления себя другим и разыгрывания социальных ролей с целью поддержания определения ситуаций и социального порядка в целом. С точки зрения гоффмановской драматургической концепции социальная реальность выглядит как сцена с актерами, вкладывающими всю свою энергию в свой социальный «перформанс». Таким образом, в модерне радикально меняется принцип социальной оценки: оценивается не некоторая внутренняя сущность, а исполнение роли, способность поддержать определение ситуации, а точнее, образ

себя, свое «лицо» (или «лицо» стоящей за ним группы), которое раз за разом создается в ходе социального взаимодействия. В результате моральные категории «хороший» и «плохой» теряют свою связь с этикой, понимаемой в аристотелевском или религиозном смысле, т.е. как реализацией добродетели или веры, и смещаются в область эстетического: быть «хорошим» или «плохим» означает быть «приятным/неприятным», «привлекательным/непривлекательным», «уместным/неуместным», «изящным/неловким» и т. д.

Таким образом, зафиксируем исходные посылки нашего рассуждения: соотношение индивида и социальной роли становится проблемой в модерне, поскольку социальная идентичность индивида не может предписываться извне через принадлежность к той или иной социальной группе. В ситуации отсутствия внешних групповых норм происходит кардинальный сдвиг в моральной ситуации современных обществ в сторону перформативного и эстетического измерения социальной оценки. Снобизм и солидарность как модели поведения представляют интересное поле исследования, поскольку не предполагают внешнего принуждения к действию, а производятся активно самим субъектом. Исходя из сформулированной проблемы, предметом нашего исследования будет вопрос о наличии (или отсутствии) этической составляющей снобизма и солидарности в ситуации «эстетизации» социальных отношений. Наша гипотеза заключается в следующем: солидарность сама по себе не может быть положена в основание этического в модерне. Один и тот же механизм производства солидарности, который порождается признанием Другого, может создавать сильные и солидарные сообщества с неморальными целями. Дискурс престижа, в отличие от дискурса солидарности, не закрывает глаза на проблему Другого, которая обнаруживается в модерне. Вопрос о снобизме побуждает критическую теорию принять всерьез инвестицию желания как предшествующую любой социальной общности.

В ситуации разрыва между социальной ролью и субъектом теоретики модерна предлагают конструкцию признания и «условной» солидарности (солидарности «в кредит»), которая должна заполнить этот разрыв («уважение» у И. Канта, «признание» у Г. В. Ф. Гегеля, секулярная эстетическая утопия сообщества солидарных и равных Ф. Шиллера). У Шиллера искусство понимается как форма общения, которая способна внести «гармонию в общество» еще до

наступления революции. Он настаивает на автономии чистой видимости, которая реализуется как искусство коммуникации, в результате которой люди восстанавливают разрушенное модерном чувство солидарности [См.: 5]. В ситуации «как если бы» общество уже было совершенным, складывается такой формат коммуникации, в котором каждый участник демонстрирует наделение другого равной себе ценностью и моральным авторитетом и тем самым выражает свою солидарность с ним (А. Хоннет). Гоффман, вслед за Г. Зиммелем, указывает на прагматический смысл такой «идеализированной коммуникации»: в условиях интенсификации социальных контактов в современном городе такой тип коммуникации существенно экономит силы собеседников, каждый из которых прикладывает усилия, чтобы представить себя и свою деятельность в наилучшем свете и тем самым облегчить другому труд по пониманию и определению ситуации. В наиболее концентрированном виде этот тип коммуникации можно пережить в особых практиках совместности, например, во время различных религиозных или социальных ритуалов, но он также рассеян в повседневных рутинных интерактивных ритуалах, типа приветствия или других экспрессивно демонстрируемых знаках признания.

В такой ситуации явление снобизма ставит проблему, так как обнаруживает зазор между формальным равенством и солидарностью на уровне публичной коммуникации и наличными символическими иерархиями. Ситуация всеобщего равенства, достигнутого братства вовсе не приводит к слиянию людей в счастливой солидарности, но задействует совершенно другой механизм, который Рене Жирар [См.: 2] называет миметическим желанием. Напротив, появление тесных горизонтальных связей и конкуренция между равными приводит к поклонению престижным желанным образам индивидов, объектов, стилей жизни. Обнаруживается, что нормативное предписание наделения всех одинаково высоким моральным авторитетом сталкивается с практической необходимостью постоянной работы по оценке Другого. Каждый Другой представляет для нас новую моральную задачу (И. Гоффман). Другими словами, именно выстраивание символической иерархии и определение социальной ценности становится проблематичным и неочевидным и требует морального усилия и инвестиций желания. Престиж является ограниченным ресурсом, неравномерно распределенным в обществе, а потому можно говорить об экономике престижа. В

отличие от формального и добровольно-принудительного акта признания равной ценности Другого, снобизм предполагает деятельное, заинтересованное участие в социальной игре, наличие какого-то содержания, которое заставляет прилагать дополнительные усилия. Свобода субъекта реализуется во внутренней работе вкуса, которая позволяет индивиду выделять, следуя за своим желанием, ценные объекты и таким образом ориентироваться в «плоском» социальном пространстве. Поэтому моральным изнутри этой перспективы будет избирательность в отношении желанных объектов, внутренняя культурная работа по их синтезу и искусство социальной «навигации», а не беспроблемная солидарность с абстрактным Другим.

Список литературы:

1. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: Канон-пресс-ц, Кучково поле, 2000. – 304 с.
2. Жирар Р. Критика из подполья / Пер. с французского Н. Мовниной. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 256 с.
3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2012. № 3 (34). С. 1-12.
4. Филиппов А. Ф. Мобильность и солидарность. Статья первая // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. С. 4-20.
5. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. – 416 с.
6. Shils E. Charisma, Order, and Status // American Sociological Review. 1965. Vol. 30. №. 2. P. 199-213.

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ БЛАГА

Оглоблина И. А.
Екатеринбург, Уральский федеральный университет

THE IDEA OF JUSTICE IN THE CONTEXT OF THE PROBLEMS OF A GOOD

Ogloblina I.A.
Yekaterinburg, Ural Federal University

Аннотация. Данная статья посвящена актуальным проблемам коммуникации в современном обществе. Мы считаем, что в сообществе Имеются два способа сообщаемости – нормативный и ненормативный.